

П. Н. БЕРКОВ

В. В. КАПНИСТ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА

Василий Васильевич Капнист принадлежит к числу тех писателей, литературное значение которых и при их жизни, и после смерти было недостаточно оценено, деятельность которых протекала скромно, незаметно, и только в отдельные моменты ее современникам приходилось о них говорить. Но потомство — справедливое и нелицеприятное — отдает дань благодарности тем, кто своим благородным трудом этого заслужил.

Некоторое время тому назад изучение писателей XVIII века шло у нас не вполне правильно: одни литературные деятели привлекали наше внимание, другие обычно оставались в тени. Сейчас мы приучились более внимательно и осторожно рассматривать литературу XVIII века. Не все писатели шли по пути Радищева, не все были прямыми продолжателями Ломоносова, Новикова или Фонвизина; тем не менее и эти писатели внесли свой вклад в развитие общественной мысли, в развитие литературы, и было бы несправедливо оставить их вне поля нашего зрения.

В. В. Капнист давно стал привлекать к себе внимание советских исследователей как прогрессивный писатель. Однако было бы ошибочно делать его прямым продолжателем Радищева — писателем радикальным.

Биография Капниста в основном известна и в последнее время уточнена изысканиями Д. С. Бабкина. В частности, недавно он опубликовал статью, в которой привел дату рождения поэта — 23 февраля 1758 года (указанную самим Капнистом).

Однако в данном случае мы имеем дело с чрезвычайно редким казусом, когда исследователю приходится сомневаться в правильности автобиографического свидетельства. Оказы-

вается, что Капнист сам не знал точной даты своего рождения. Как сообщила нам праправнучка поэта, М. Р. Капнист, существует семейное предание, согласно которому автор «Ябеды» был сыном В. П. Капниста и пленной турчанки, родился он 23 февраля 1756 года, до смерти своего отца. Когда В. П. Капнист был убит во время Семилетней войны, мать поэта, турчанка, покончила с собой, воспитала мальчика «законная» жена В. П. Капниста, по-видимому, скрыв от него его происхождение и точную дату рождения. С этим семейным преданием согласуется указанная правнучкой поэта, графиней И. П. Капнист, дата его рождения — 1756 год.¹

Последующая биография В. В. Капниста изучена более или менее подробно. Однако его литературный путь, его становление как художника, как писателя, как мыслителя освещены недостаточно. То, что мы имеем, только первые, небольшие подступы, всего лишь подготовительные работы, за которыми должно последовать настоящее изучение этого очень интересного писателя и человека.

В русской литературе за Капнистом сохранилась слава творца «Ябеды». Именно это произведение раз и навсегда определило его значение как борца с отрицательными сторонами русской жизни XVIII и начала XIX века. Его обличительное слово настолько точно характеризовало омерзительные нравы России в царствование Екатерины II и Павла, что никому в голову не могло прийти опровергать сатирика или хотя бы упрекнуть его в преувеличениях. А русская жизнь так мало изменялась в последующие десятилетия, что сатира Капниста долго оставалась современной, злободневной. Но если бы мы остановились только на признании обличительства Капниста, это было бы неправильно: он шире, интереснее. Рассматривая Капниста лишь как творца «Ябеды», оставляя в стороне все остальное его творчество, мы обедняем и его художественный облик, и русский литературный процесс конца XVIII—первой четверти XIX века.

Лирика Капниста заслуживает того, чтобы в нее вчитаться, увидеть то, чего наши предшественники не видели, но что заслуживает нашего внимания.

Обычно берут Капниста как писателя, стоящего отдельно в литературном процессе. Правда, довольно часто говорится (нет ни одной работы, где бы это не было сказано), что Капнист был участником львовского кружка, отмечается роль, ко-

¹ Гр. И. П. Капнист. Воспоминания о графе Петре Ивановиче Капнисте. В кн.: П. И. Капнист, Сочинения, т. 1, СПб., 1901, стр. XV.

торую он сыграл в жизни и творчестве Державина, часто подчеркиваются его литературный вкус, его заслуживающие внимания оценки современных литературных событий, но вместе с тем не делаются выводы, которые следует сделать из этого очень своеобразного факта, — его участия в литературном кружке Львова.

Мы недостаточно представляем себе, что такое литературный кружок Львова. Установилось мнение, что это содружество писателей, которые группировались вокруг Державина, только тем и занималось, что помогало ему расти. Ничего больше за этим кружком не видят. Между тем кружок Державина был своеобразной формой литературного протеста против екатерининской эпохи.

В оде «К Фелице» Державин говорит:

Подай, Фелица, наставленье,
Как пышно и правдиво жить, —

и это не просто фраза, а определенная формула, определенная жизненная программа. Здесь сочетаются понятия «правдивость» и «пышность». Для Державина тогда они были совместимы и не противоречили друг другу. Но кружок, возглавлявшийся Львовым и находившийся под значительным идейным воздействием Капниста, стал влиять на Державина. На смену понятию «пышность» у него приходят понятия «умеренность», «скромность», противостоящие «пышности» Екатерины и ее вельмож. В дальнейшем этот отход приобретает подчеркнuto идеологический смысл и становится, как сказано выше, своеобразной формой литературного протеста, литературной борьбы.

Писатели круга Капниста создают свой идеал человека, человека-гражданина, который отдает свои силы, свой личный труд на служение общему делу, общественному долгу. Роль кружка Львова — роль горнила, в котором сформировались и выкристаллизовались идеи писателя-гражданина; эту особенность кружка Львова—Капниста—Державина надо тщательно изучать. Надо пересмотреть под этим углом зрения произведения Капниста, Львова, Хемницера, не говоря уже о Державине. Все, что там было скрыто, что рассматривалось как индивидуальное свойство каждого писателя, но на самом деле было общим у них всех (например, понятие поэта-гражданина, прославление «умеренности»), надо изучить в первую очередь.

До сих пор мы не имеем ни одного научного издания сочинений Капниста. При его жизни вышли два издания — в 1795 и в 1806 годах, урезанные самим поэтом, а затем цензурой. Издание Смирдина 1849 года — ненаучное издание. Конечно, «Сти-

хотворения» Капниста под редакцией Б. И. Коплана (1941) — крупная вежа в изучении наследия поэта, но это еще не то издание, в котором мы нуждаемся. Сейчас Д. С. Бабкин готовит двухтомное издание, которое дает возможность более или менее хронологически точно представить развитие творчества Капниста. Без такого хронологического уточнения и распределения материала многое в его творчестве неясно.

Сейчас же на основе не особенно обширных биографических и хронологических данных, которыми располагает наше литературоведение, мы знаем, что творчество Капниста началось с произведений с общественной тематикой. Его раннее творчество — это продолжение сатиры Новикова и Фонвизина, это обличение тех фактов, которые позднее станут материалом для его «Ябеды». В своих первых одах он выступает как писатель, откликающийся на важные и серьезные вопросы современной жизни. Так, в «Оде на надежду» 1780 года он пишет следующие замечательные слова:

С юнейших лет жестокой власти
Уже я бремя ощущал,
И начал чувствовать напасти,
Как скоро чувствовать я стал.²

Мне кажется, что эти слова о «жестокой власти» определяют его общественно-политические позиции не только начала 1780-х годов, но и всей его жизни.

Следует напомнить, что ода написана вскоре после пугачевского восстания и незадолго до нового подъема антикатерининских настроений в русском обществе, выразившихся в «Недоросле» Фонвизина, «Оде на рабство» Капниста и других аналогичных произведениях.

Начав в 1780 году свою литературную деятельность «Одой на надежду», Капнист через много лет указывал, что весь свой жизненный путь он прошел под знаком идей, выраженных в этом первом его произведении. В 1818 году в знаменитом стихотворении «Обуховка» он писал, что скоро умрет и будет погребен в родных местах:

Кто сюда придет,
Над свежей, скромною могилой
В чертах сих жизнь мою прочтет:
«Капнист сей глыбою покрылся;
Друг Муз, друг родины он был;

² В. В. Капнист. Избранные сочинения. Вступительная статья, редакция и примечание Б. И. Коплана. Изд. «Советский писатель», Л., 1941, стр. 134. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

Отраду в том лишь находил,
 Что ей, как мог, служа, трудился,
 И только здесь он опочил».

(Стр. 164).

После стихотворения «Обуховка» Капнист прожил еще 5 лет, но все же это произведение вполне характеризует его писательский путь. Между этими двумя литературными декларациями прошла вся его жизнь. И всегда Капнист выступает как писатель с общественными установками, для которого самое важное показать правду жизни, в том смысле, как он понимает ее. Поэтому неудивительно, что около того же времени, когда было создано стихотворение «Обуховка», он пишет «Оду на пиитическую лесь».

Здесь Капнист излагает историю того, что можно назвать поэтическим обличением злоупотреблений монархической властью. Он восстает не против монархической власти как таковой, но против злоупотреблений ею. Капнист начинает с библейских пророков — певцов, обличавших царей, вспоминает Алкея, который

... тиранов устрашал;
 Всевластия потряс кумиры
 И жертвою свободы пал,

говорит о Горации, который

... изоблича пороки,
 Расслабившие сильный Рим,
 Пел смело резкие уроки
 Соотечественникам своим.

(Стр. 156).

Далее идут строфы, полные неясных намеков и допускающие разные толкования: в одной он порицает поэтов, воспевающих революцию, в другой негодует на «лиры», которые славят Наполеона или Екатерину II («Хищник царского престола Преобращается в Кумир»), в третьей отрицает за продажной поэзией право воспевать героев, подобных Петру I, в четвертой сокрушается по поводу того, что лавровым венком поэзии «... равно, как добродетель, Приосеняется порок».

В конце этой оды Капнист создает замечательную формулу, которая постоянно приводится, когда речь идет о его общественно-литературной позиции:

Да гнев небес запечатлеет
 Те ядом дышущи уста,
 Которые отверзть посмеет
 Коварна лесь нль подла мада!

Да громом раздробится лира,
 Что в честь кичащегося кумира
 Хвалебны гимны возгремит!
 И да познают все владыки,
 Что те лишь их дела велики,
 Хвале которых правда щит!

(Стр. 157).

Можно задать вопрос: почему самые сильные политические стихи Капниста сосредоточены вокруг двух хронологических дат — начала 1780-х годов и 1816—1818 годов?

Почему именно в эти моменты Капнист не стоял на том пути интимной лирики, которая заполняла содержание его творчества в 90-е годы XVIII века и первые полтора десятилетия XIX века?

Объясняется это теми же причинами, которые в начале 1780-х годов вызвали новый подъем борьбы передовых писателей с самовластием Екатерины, а в 1815—1816 годы — создание тайных обществ, теми событиями, которые ставили тогда на повестку дня вопрос о государственной власти и об отношении к ней передовых людей. Именно эти политические обстоятельства повлияли на Капниста. Особенно важно учитывать это при рассмотрении его поздних произведений. Капнисту к тому времени было 61—62 года, а когда человек находится на склоне лет, он большей частью стремится подвести итоги тому, что видел, узнал, делал, продумал. Подъем Капниста как политического поэта в это время не просто возвращение к идеалам начала 80—90-х годов XVIII века. Вместе со всем передовым русским обществом 1815—1818 годов Капнист переживал тот подъем, который привел к участию в декабристском движении его сыновей и воспитанников.

Путь Капниста, однако, не был ровным и прямым, каким он изображен в его эпитафии в стихотворении «Обуховка». Выше уже указывалось, что в кружке Львова создавался идеал гражданина, который делает полезное дело вдали от столицы, вдали от пышности двора, вдали от тех, кто ищет сомнительной славы и фортуны и зависит от благоволения верховной власти. Но постепенно в этом идеале — протесте — берет верх идея «покоя», отхода от всякой борьбы. У Капниста возникает вторая линия творчества: он воспевает личную жизнь, полную душевного спокойствия, не перестает хвалить умеренность, которая противопоставляется им грабительской, хищнической пышности екатерининских фаворитов и их приспешников, создает культ мирной, сладостной жизни в кругу семьи; его стихи делаются своеобразной семейной летописью.

И совершенно неожиданно поэт, который, казалось, целиком ушел в интимную лирику, который может воспевать только реку Псёл, свою Обуховку, свою Сашеньку и друзей, — вдруг этот поэт в конце XVIII века выпускает замечательную комедию «Ябеда» — одно из сильнейших произведений прогрессивной русской литературы. Известно, что и до Капниста писатели выступали с обличениями судейских плутней, взяточничества и других общественных пороков, но против социального явления «ябеды» как социального зла до него никто не выступал.

Для Капниста это было естественно. Уже в первых своих произведениях он намечал этот объект своего нападения, но только через восемнадцать лет сказал об этом обществу полным голосом. Он сделал героем комедии не личность, не тип, а социальный порок.

Почему же ябеда, несправедливость в судах была таким важным вопросом для русских писателей? Казалось, что в их произведениях речь идет только о нарушениях судопроизводства, о несоответствии судебной практики тому, что было сказано в законах. Однако, если хорошенько вдуматься, становится очевидным, что в «Ябеде» Капнист хотел показать, что дворяне — люди привилегированного класса — оказываются бесправными, зависимыми от чиновничества, бюрократов, за спиной которых стоят вельможи и сама императрица. Дворяне, которые шли в суд с другими дворянами (а ведь в суд тогда в основном шли именно дворяне), чувствовали свою беспомощность перед всякими хищниками высокого и низкого полета.

«Ябеда» Капниста потому была таким сильным произведением, что говорила не о классовой несправедливости, а о «несправедливости» внутри класса, она касалась самых больных сторон дворянского государства. В этом была ее неотразимая сила.

Когда приходится говорить о «Ябеде», невольно вспоминается знаменитое полестище Ювенала:

Негодование создало этот стих!

Общественное негодование всегда было свойственно Капнисту, но он долго и, должно быть, искренне противопоставлял ему идеал гражданина, довольного малым. Однако именно поэтому, что ему удалось преодолеть этот идеал и дать полную волю своему негодованию, голосу истинного чувства, именно поэтому «Ябеда» и осталась одним из великих произведений русской литературы XVIII и начала XIX века до «Горя от ума» Грибоедова, до «Ревизора» Гоголя.

В связи с характеристикой идейной позиции Капниста необходимо остановиться на вопросе, мало затронутом, а если и затронутом, то клеветнически освещенном, а именно об отношении Капниста к Украине. Вопрос этот, как будет видно из дальнейшего, является очень существенным.

Жизнь Капниста прошла в основном на Украине. Он чувствовал себя связанным с Украиной, называл ее своей отчиной, говорил о ее красотах, ее людях, любил ее народную поэзию и литературу.

Мало кому известно, например, что «Чижик» Капниста представлял собой переделку стихотворения Сковороды «Ой ты, птичко желтобоко!». Этот факт, не отмеченный в издании Б. И. Коплана, был в недавнее время освещен рядом исследователей (А. И. Белецким, Д. И. Чижевским и др.).

Говоря о клеветническом освещении отношения Капниста к Украине, я имею в виду старую, выдвинутую в 90-х годах прошлого века польским исследователем Брониславом Дембовским и подхваченную затем украинскими националистами версию, будто бы Капнист ездил в 1791 году в Берлин, подавал прусскому министру Герцбергу просьбу о том, чтобы Пруссия начала войну с Россией для освобождения Украины, обещая помощь украинцев. В журнале «Сьогочасне й минуле» (1939, т. II, стр. 16—22) была помещена статья «Козацький проект Василя Капниста» М. Антоновича, где эта сплетня вновь была пущена в обиход перед самой Великой Отечественной войной.

Сейчас все эти клеветнические измышления опровергнуты. Оказалось, что Капнист никогда не выезжал за пределы России, что речь идет не о Капнисте, а о другом лице, за деятельность которого поэт не ответствен, а стихи «...друг Муз, друг Родины он был», говорят сами за себя!

Патриотический пафос творчества Капниста является лучшим опровержением нелепых домыслов украинских националистов. И это сознание своих гражданских обязанностей тесно связывает его с русской писательской средой. «Ода на рабство» и другие политические произведения Капниста могут быть правильно поняты только тогда, когда мы соотнесем их с произведениями других членов львовского-державинского кружка.

У Державина есть замечательное по силе стиха обращение к одному из членов кружка, к В. Храповицкому. Последний написал стихотворение Державину, в котором называл его «орлом». Державин возражал против этого названия:

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,

Можно ль орлими крылами
 К солнцу нам парить умом?
 А хотя б и возлетели,
 Чувствуем ярмо свое.³

Капнист чувствовал свое ярмо так же, как и Державин, и «возлетать» он не мог. Он часто говорил, что он — «мотылек», но говорил также, что с юных лет он чувствовал бремя жестоким властью. Поэтому напрасно искать у него тираноборческие или другие близкие мотивы, но надо правильно понимать то, что у него есть и что Капнист отразил в своих произведениях.

Говоря о Капнисте, я касался только идейной стороны его творчества. Как художник Капнист еще мало изучен. Его стихотворения, как установлено исследователями, связаны с крупнейшими поэтическими явлениями его эпохи — поэзией Державина, Карамзина, а также с творчеством античных авторов — Горация и Анакреона. Конечно, французские поэты также имели на него влияние. Б. И. Коплан указал, в чем совпадает и в чем отходит Капнист от указанных источников. Но читая его стихи, мы чувствуем, что Капнист не всегда просто следует за своими образцами, а порой ведет полемику со своими предшественниками. Эти наблюдения нуждаются в систематизации, в том, чтобы показать, почему Капнист полемизировал, о чем он спорил. Приведу два-три примера.

У Капниста находим такие строки:

О смерть! — последняя отрада!
 Скажи: — почто щадишь меня?
 Скажи: — ты казнь или награда?

Как не вспомнить стихи Сумарокова:

Но смерть — последняя беда!

Как меняется позиция! У Сумарокова в 1759 году смерть — последняя беда, у Капниста в 1816 году смерть — последняя отрада. Это целая пропасть между одним мировоззрением и другим, и понять ее можно, если внимательно изучить, как Капнист отталкивался от прежней литературы, преодолевал ее влияние, старался стать самим собой.

Возьмем другой пример. Кто не помнит споров начала 1750-х годов о влиянии сатиры на исправление нравов, когда

³ Г. Р. Державин. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и общая редакция Д. Д. Благого. Изд. «Советский писатель», Л., 1957, стр. 247.

определилась и, пожалуй, временно взяла верх скептическая точка зрения: если законы не в состоянии повлиять на порочных людей, то тем более бессильна поэзия. Правда, деятельность Сумарокова, Фонвизина и Новикова в 1760—1770-е годы упрочила позиции социальной сатиры. В своей «Сатире 1 и последней» (1777) Капнист вновь обращается к этому вопросу:

Когда ж духовные и светские законы
Не могут правами власть глупости унять,
Так что ж осталось? — ей зеркало казать,
В которое взглянув, себя бы устыдилась.

(Стр. 126).

В поэзии конца XVIII—начала XIX века, несмотря на не особенно большие размеры своего дарования, Капнист шел своим особым путем, своими тропами, внося новые элементы в литературную жизнь того времени.

В области языка ему приходилось преодолевать современные штампы. Под влиянием Державина, который любил редкостные старославянско-библейские сочетания, вроде «трислаты злобы», мы находим у Капниста такие выражения, как «истнить», «сляченый», «коснит», «всежруща тлень». И тут же рядом фразеология, которую создавал параллельно с Капнистом Муравьев, а позже Карамзин и Жуковский: «унылый», «томный», «унынье», что так свойственно было сентиментальной школе на рубеже XVIII—XIX веков.

Эта же двойственность характерна и для других сторон творчества Капниста. Наряду с шаблонным, лишенным индивидуальных черт пейзажем, характерным для классицизма, мы находим у него особую линию в изображении природы. У него встречаются лунные пейзажи, совершенно не напоминающие оссиановского пейзажа, столь привычного в 80—90-х годах XVIII века. В «Обуховке» он пишет:

Нет, нет; оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой;
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Всхожу на холм; — луна златая
На легком облаке всплыла,
И, верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

(Стр. 163).

Или вот другой лунный пейзаж Капниста:

При лунном в рощице сияньи
Сзывает Ладо юных дев.
В прозрачном льняном одеяньи,
Они, под плясовой напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мягку мураву.

(Стр. 184).

Приведу еще пример:

Ясна ночь: небес светила
Ярко в синеве блестят.
Лишь одна луна уныла
Полсочкрытый кажет взгляд.

(Стр. 225).

Иногда Капнист предпринимал поиски в другой художественной области, в области звукописи. Еще Сумароков в последние годы жизни вменял себе в заслугу, что он «научился разносить литеры», т. е. создавать стихи, в которых не было бы скопления гласных и согласных звуков. В дальнейшем вопрос о благозвучии становится для русских поэтов одним из волнующих. Благозвучию отдает дань Державин в знаменитом «Соловье во сне» и «Если б милые девицы».

Образец такой звукописи мы находим и у Капниста. В вышеприведенных стихах из «Обуховки» все построено на звуке «л»:

Всхожу на холм, — луна златая
На легком облаке всплыла,
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

Иногда он умеет строить свои стихи на других звуках. Так, ему удастся передать настроение угрюмости, глухой сосредоточенности в той же «Обуховке», когда он рисует поток, который

Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.
Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум,
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.
Там двадцать вдруг колес вертятся;
За кругом поспешает круг;

Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся,
Под ними клубом бьет жемчуг.

(Стр. 161).

Нужно отметить искания Капниста и в области строфики. Это может показаться неожиданным, поскольку мы знаем, что он был постоянным сторонником ямба и в редких отдельных случаях — хорей. Однако Капнист пытался создать ритмы, необычайные для той эпохи:

Мы чем богаты, рады тем вам.
Осень холодна — гибель цветам.
Мы от мороза прятали их,
Чтоб нам гостей чем встретить драгих.
Вы их примите в дар небольшой,
Вам принесенный с доброй душой.
Сделайте честь вы нашим дарам:
Мы чем богаты, рады тем вам.

(Стр. 243).

Или в стихотворении «Дружеский совет».

Тщетно желаешь, милая Хлоя!
Золота кучи в клад копить:
Можно ль, с сим кладом, сладость покоя,
Можно ли дружбы клад сравнить?
Тщетно, и ночью льготы не зная,
Будешь кружиться средь сует:
Алчное сердце, боле алкая,
Хочет достичь лишь дальних мет.

(Стр. 244).

Здесь приведены только отдельные наблюдения, которые ни в коей мере не ставят своей целью затронуть весь круг вопросов изучения Капниста как художника. Хотелось только показать, что Капнист не изучен ни как писатель-общественник, ни как художник. Однако мы не изучили Капниста и как личность. Мемуаристы, авторы некрологов, его собственные письма, свидетельства Державина говорят о том, что он был оригинальной, своеобразной личностью, человеком, глубоко преданным и отдававшим силы и чувства тем проблемам, которые его волновали. Поэтому хочется заключить эту статью словами старинного писателя: «Ничто так не свидетельствует об уважении народа к своей истории, как фимиам благодарности, зажженный благоговейной рукой перед зримыми или воображаемыми статуями тех, кто жизнь свою отдал полностью наукам и искусству».